

© 2008 г. Л. А. ГРЕНОБЛЬ

СИНТАКСИС И СОВМЕСТНОЕ ПОСТРОЕНИЕ РЕПЛИКИ В РУССКОМ ДИАЛОГЕ*

В статье рассматривается структура совместных построений в ходе диалога. Совместное построение имеет место в тех случаях, когда один собеседник начинает реплику, а другой собеседник заканчивает ту же самую реплику. Совместно построенные конструкции разделяются на две группы: (1) конструкции, которые некоторым образом расширяют реплику первого собеседника; и (2) конструкции, которые завершают реплику первого собеседника (синтаксически или семантически незаконченную). Предполагается, что говорящие обладают единым синтаксисом, а именно: синтаксическая рамка, начатая первым говорящим, заканчивается другим; координируется информация об отношениях между планированием, порождением и членением диалога; учитывается предсказуемость синтаксических моделей с целью изменения или влияния на поток информации и тему диалога.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа является частью более обширного исследования, посвященного изучению структуры дискурса в русском языке. В течение последнего десятилетия работы в области конверсационного анализа (или анализа бытового диалога) концентрировались на взаимоотношениях дискурса и синтаксиса. В данной работе мы рассматриваем один из аспектов этой проблемы, а именно, вопрос о том, каким образом реплика может быть совместно построена несколькими говорящими. Дискурс – это результат совместных усилий; в итоге его структура и содержание составляются несколькими участниками. Иногда одна реплика конструируется совместно, то есть при участии нескольких говорящих. В этой ситуации первый говорящий начинает реплику, а второй говорящий продолжает. При этом он или завершает реплику, или же только добавляет к ней новое содержание, а завершает ее первый участник диалога. Возможно также, что реплику завершает и третий участник [Земская 1987: 178; Винокур 1959: 268–269; Sacks 1992: 647–655; Helasvuoto 2004; Lerner 1991; 1996; 2004; Ono, Thompson 1995].

Самый факт существования совместных построений позволяет поставить ряд интересных вопросов относительно планирования, порождения и обработки высказывания в дискурсе. Объектом изучения предыдущих исследований преимущественно служил английский язык [Lerner 1991; 1996; 2004], хотя исследования также проводились на материале турецкого, немецкого, финского и японского языков [Hayashi, Mori 1998; Hayashi 2003; Lerner, Takagi 1999; Ono, Yoshida 1996; Helasvuoto 2004; Selting 2000]. В английском языке порядок следования элементов в предикативной единице в большой степени предсказуем: за именной группой в функции подлежащего (чаще всего выраженного местоимением) следует глагольная группа, которая может присоединять к себе другие элементы, например, предложные группы. В этой связи данные русского языка могут

* Автор выражает глубокую благодарность М.Б. Бергельсон, С.И. Гиндину, А.А. Кибрику, Л.В. Лосеву, М.С. Полинской и М. Флайеру, обсуждавшим с ним первоначальные варианты настоящей статьи и высказавшим весьма полезные критические замечания. Я признательна также А.С. Николаеву за тщательный перевод моей работы на русский язык. Все недостатки, сохранившиеся в работе, полностью остаются на совести автора.

быть особенно интересны для этих исследований в силу значительно менее строгого порядка составляющих, при том, что правила словоизменительной морфологии накладывают значительные ограничения на морфологическую форму последующих элементов: например, если глагол предшествует именной группе в функции подлежащего, морфологическая форма глагола определяет морфологическую форму подлежащего. Конечно, играют роль также лексико-семантические и прагматические ограничения, поскольку совместно построенная конструкция должна в итоге соответствовать не только морфосинтактическим, но и семантическим, а также прагматическим критериям.

Данные нашего исследования были получены путем анализа интервью, прозвучавших в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (эти интервью доступны в записи на сайте <http://www.echo.msk.ru/>). Радиостанция передает интервью в прямом эфире и затем размещает тексты на сайте. Расшифровки не полностью соответствуют реальным диалогам, так как их редактируют с целью облегчить чтение. Тем не менее, если использовать эти тексты совместно с аудиозаписью, они позволяют восстановить картину с достаточной степенью точности. Качество аудиозаписи позволяет сверять звуковые диалоги с текстом, но оно не является достаточно высоким для акустического анализа. Корпус состоит из приблизительно 10 часов записей. В интервью участвуют 2–4 человека, и их роли четко определены: в каждом диалоге присутствует один или два интервьюера и один или двое респондентов. Поскольку речь идет о жанре интервью, параметры дискурса заданы относительно строго. Таким образом, роли говорящего и слушающего определяются параметрами дискурса: грубо говоря, интервьюеры задают вопросы и контролируют тему беседы. В целом их роль сводится к тому, чтобы направлять беседу, и это, как мы увидим, оказывает определенное воздействие на использование совместных построений в интервью. Частота совместных построений сильно различается в разных интервью. В некоторых интервью они сравнительно часто встречаются (6–8 раз в течение получаса), а в других они вовсе отсутствуют. Видимо, их употребление зависит не только от структуры и темы разговора, но и от характера собеседников.

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ И СОВМЕСТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

Теоретическая база настоящей статьи – конверсационный анализ, использующий в качестве основной единицы дискурса так называемую «конструкционную единицу реплики» (или КЕР; англ. *turn-constructive unit, TCU*) в определении, впервые данном в работе [Sacks et al. 1974]¹. Для наших целей принципиально, что концепция КЕР была выдвинута, в частности, для того, чтобы проанализировать, каким именно образом происходит мена коммуникативных ролей в дискурсе, а точнее говоря, понять, откуда участникам дискурса известно, когда начинать или прекращать говорить. Этот подход основан на речевом взаимодействии, то есть речепорождении при участии более чем одного говорящего. Одно из ключевых положений этой теории – необходимость совместных усилий обеих сторон (говорящего и слушающего) для успешного завершения реплики, ибо в основе диалога лежит взаимодействие. Эта теория разработана с целью исследования тех приемов, с помощью которых устанавливается порядок ведения разговора и происходит эффективная мена коммуникативных ролей (практически без взаимного наложения). Говорящий владеет системой мены коммуникативных ролей, которая определяет правила, организующие диалог в серию реплик. Каждый говорящий может продолжать реплику, пока не достигнет точки, в которой реплика может быть завершена (так называемая «точка перехода» ТП: TRP: «transition relevance place»). По достижении точки перехода говорящий может продолжать речь, или же коммуникативные роли меняются. (Конечно, разговор также может просто прекратиться.) В качестве

¹ За время, прошедшее с публикации работы [Sacks et al. 1974], определение КЕР претерпело известную модификацию; оно подробно обсуждается в более новых работах [Selting 2000; Ford 2004].

сигнала возможной точки перехода могут выступать просодические факторы, например, финальное мелодическое понижение, пауза, а также семантическая и синтаксическая завершенность.

В целом в ряде работ по дискурсу, выполненных на материале различных языков, было показано, что собеседники достаточно точно чувствуют приближение точки перехода. И говорящий, и адресат заранее чувствуют и планируют конец реплики. Остается неясным, какая именно информация используется для проекции ТП. В качестве кандидатов на роль наиболее существенного для этой проекции сигнала в литературе назывались все те сигналы, которые были перечислены выше (интонация, пауза, семантическая и синтаксическая завершенность). В работе [Ruiter, Mitterer, Enfield 2006] описан эксперимент, целью которого было протестировать эти гипотезы. В этом эксперименте голландский стимульный материал был изменен с тем, чтобы сперва скрыть интонационные контуры, оставив лексическую информацию, а затем, напротив, удалить лексическую информацию, оставив интонацию нетронутой. В результате удалось показать, что удаление мелодического контура не оказало воздействия на точность проекции, но отсутствие лексического содержания значительно повлияло на способность слушающих осуществить проекцию конца реплики. Как показывает наш анализ совместно построенных конструкций, синтаксические правила в большой степени определяют структуру второй части конструкции, но прагматический эффект совместно построенной конструкции заключается именно в добавлении лексико-семантической информации и, тем самым, топика².

При этом следует отметить, что несмотря на то, что синтаксическая структура может расширяться до бесконечности, в определенный момент она достигает точки возможного завершения. Предполагается, что конструкционная единица реплики достигает точки перехода в момент, когда высказывание достигает синтаксической полноты, то есть в контексте дискурса оно может быть интерпретировано как синтаксически полная предикативная единица, с полнозначным или подразумеваемым глаголом. Таким образом, можно считать такие структуры, как ответ на вопрос, эллиптические предикативные единицы и показатели «принятия во внимание», синтаксически полными [Ford, Thompson 1996: 143]. Реплика, хотя и является одной из основных частей диалога, связана и с окружающим лингвистическим материалом, и с экстралингвистическими факторами. Она связана как с окружающим лингвистическим материалом, так и с экстралингвистическими факторами. Сфера действия морфосинтаксических правил распространяется за пределы реплики. Так, в примере (1) использование дательного падежа в третьей строке может быть объяснено лишь исходя из актантной структуры предиката *урок* в заключительной предикативной единице первой КЕР (вторая строка):

(1) «Банкротство ЮКОСа» (27.06.2006; В. Геращенко и А. Венедиктов)

А. В.1 О, это угроза.

В. Г.2 Нет, это урок.

А. В.3 → Кому?

В. Г.4 Всем.

При всей своей несложности этот пример помогает проиллюстрировать несколько ключевых положений. Во-первых, мы видим, что единая морфосинтаксическая структура оказывается «растянутой» на две КЕР, из чего следует, что КЕР неидентична предложению или фразовой категории, поскольку каждое предложение имеет свое собственное морфосинтаксическое оформление. Это не значит, что предложения суще-

² Примерно к таким же выводам пришел Винокур [Винокур 1959: 263] в своей работе о структуре диалога в тексте «Горе от ума»: он отмечал: «реплика может быть не чем иным, как введением в развитие действия известного нового мотива», особенно при появлении на сцене нового лица.

ствуют независимо друг от друга, ведь их устройство диктуется структурой дискурса и коммуникативными категориями. Но это никак не объясняет появление дательного падежа *кому* в примере (1), которое обусловлено только тем, что перед нами дополнение слова *урок* из предыдущей реплики. Этот пример лишний раз показывает, что основой диалога является взаимодействие: каждый из говорящих вносит свой вклад, от которого зависит не только тематическая структура, но и структура всего диалога в целом. Примеры подобного типа подчеркивают, что в диалоге реплики тесно связаны друг с другом и семантически, и синтаксически. Вторая часть зависит от первой, так что соединение этих реплик составляет единое синтаксическое целое [Шведова 1960: 280].

П. Ауэр в статье 2005 года предположил, что общей организующей чертой синтаксиса и дискурсивной структуры является проекция. С одной стороны, синтаксис предоставляет формальные средства для организации проекции – проекция может быть осуществлена на основе владения правилами управления, структурой составляющих, принципом смежности и глагольной сериализацией. С другой стороны, существует проекция дискурсивного взаимодействия, основанная на знании операций и их последовательности. Так, отреагировать на какое-либо высказывание можно различными способами – поставить под вопрос, согласиться или не согласиться и так далее. Более того, система мены коммуникативных ролей, описанная в работе [Sacks et al. 1974], дает собеседникам возможность заранее спланировать завершение КЕР: это становится возможным благодаря тому, что у КЕР есть своя внутренняя структура (синтаксическая, семантическая и просодическая), которая позволяет осуществить проекцию окончания.

Гипотеза Ауэра [Auer 2005] находит поддержку в так называемых совместно построенных конструкциях. По синтаксической структуре их можно подразделить на две группы: (1) конструкции, которые некоторым образом расширяют реплику первого собеседника (в дальнейшем – *расширения*); и (2) конструкции, которые завершают реплику первого собеседника, синтаксически или семантически незаконченную (в дальнейшем – *завершения*) [Опо, Thompson 1996]. Таким образом, подразделение совместно построенных конструкций на два типа зависит от того, завершил ли первый участник диалога свою речь в точке перехода или нет. В обоих случаях вторая часть КЕР находится в синтаксической и семантической зависимости от первой. То есть, как расширения, так и завершения не представляют собой независимых КЕР и не могут рассматриваться отдельно от КЕР, порожденной другим говорящим.

РАСШИРЕНИЯ КАК СОВМЕСТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

В случае расширений второй участник речевого акта развивает то, что сказал предыдущий участник диалога, в новую синтаксическую единицу. В этом случае синтаксически независимый материал помещается после точки перехода, то есть после потенциального конца КЕР, согласно определению, данному Шеглоффом [Schegloff 1996 Thompson, Couper-Kuhlen 2005: 495]. Один из способов синтаксического выражения этого феномена как в русском, так и в английском языке – это присоединение предложной группы к синтаксически полной предикативной единице. Часто присоединяются предложные группы времени или места, как *в субботу*, *в Москве*, но бывают другие (2):

(2) «Ищем выход...» (02.11.2005; М. Урнов и Д. Орешкин)

М. У.1 → Я же не про каждого отдельного депутата говорю.

2 → Я говорю про некую риторику, от партии исходящую

Д. О.3 → и про настроение избирателей.

В данном примере второй участник речевого акта (Орешкин) подхватывает синтаксическую структуру, представленную в строчках 1 и 2, и использует ее для того, чтобы дополнить сказанное его собеседником. Первая КЕР является синтаксически полной. Предложенное расширение фактически удлиняет ее и ничего более. Этот феномен можно рассматривать в рамках более общей стратегии перечисления [Jefferson 1990

Lerner 1991: 447]. В данном случае можно считать, что присоединяется часть сочиненной предложной группы, или даже целая фраза, с эллипсисом подлежащего и глагола (т.е. *и вы говорите про настроение избирателей*). В целом это не оказывает значительного влияния на целостный анализ. В любом случае, структура строчки 3 построена на образе предыдущей строчки. Примеры этого типа вновь подтверждают существование рекурсивных правил порождения языковой структуры: благодаря рекурсии второй говорящий оказывается в состоянии присоединять бесконечное количество предложных групп. Этот пример демонстрирует формульную природу совместно построенной конструкции: мы наблюдаем в ней почти что ритмическую структуру, обусловленную повторением предложной группы с использованием одного и того же предлога.

Исследования по совместно построенной конструкции в английском языке показали, что в качестве расширения нередко используются именно предложные группы. Любопытно, что и единственный участник речевого акта может расширить собственное высказывание таким же образом, как можно видеть из примеров номер (3) и (4). Эти примеры содержат то, что Чейф в своей работе 1988 года назвал «afterthoughts». Подобные конструкции встречаются только после завершённой КЕР (как мы бы сказали в терминах конверсационного анализа). В терминологии Чейфа, «afterthoughts» помещаются после интонационной единицы, окончание которой маркируется с помощью «интонации точки», т.е. финального мелодического понижения и, возможно, паузы. Говорящий присоединяет к законченной КЕР новую интонационную единицу, которая содержит дополнительную информацию, непосредственно относящуюся к предыдущей единице. Чейф трактует эту ситуацию следующим образом: сперва говорящий решает закончить предложение и поставить «точку», но затем ему приходит в голову что-то ещё, относящееся к данной теме, что, по его мысли, было бы полезно услышать его собеседнику. Чаще всего эта дополнительная информация добавляется в форме предложной группы, как в примерах (3а) и (3б), хотя она может быть выражена и с помощью наречной группы, как в примере (3в):

«Afterthoughts» [Chafe 1988: 6]

(3а) 1 ..well .. it was just obvious I couldn't...I couldn't work.

2 ...uh .. with her in the office

(3б) 1 ..but ... uh ... my father came .. into possession of some papers that his mother had.

2 ...uh .. in German.

(3в) 1 ...it was quite .. striking when we were .. the year we were in Japan.

2 ..three years ago.

Уолкер [Walker 2004] сходным образом использует термин «increments» для описания ситуации, при которой говорящий достигает точки, в которой окончание высказывания возможно синтаксически, прагматически и просодически, но вскоре после этого окончания решает продолжать говорить, результатом чего является продолжение, грамматически зависимое от предшествующей матричной предикативной единицы.

«Increments» [Walker 2004: 147–148]

(4) 1 mmm .hhhh do you know what people have to pay

2 at Legends if they're not a student

3 (0.4)

4 → to get in

В этом примере говорящий порождает высказывание, которое может считаться законченной КЕР, и после паузы в полсекунды добавляет грамматически приемлемое продолжение *to get in*.

До некоторой степени отличный тип расширения мы видим в примере (5):

(5) «Особое мнение» (08.08.2006; Н. Болтянская и Е. Киселев)

- Н. Б. 1 Условия хранения, транспортировки российских культурных ценностей
2 допускают возможность неадекватного с ними обращения.
3 Это сильный эвфемизм, то, что я сказала.
4 → С моей точки зрения, прозвучали прямые обвинения
Е. К. 5 → В адрес?
Н. Б. 6 → В адрес господина Пиотровского и адрес господина Швыдкого.
7 Но так мне показалось.

В примере (5) целью расширения является возможность задать вопрос и получить дополнительную информацию.

ЗАВЕРШЕНИЯ КАК СОВМЕСТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

Завершения отличны от расширений. В случае расширений, предшествующий им компонент высказывания представляет собой законченную синтаксическую единицу и законченную КЕР; вторая составляющая «расширяет» или удлиняет первую, добавляя к ней новую информацию и создавая новое, более длинное синтаксическое единство. В случае завершений, первая часть не является синтаксически законченной и не оканчивается в точке перехода, тем самым не являясь синтаксически законченной. Первый компонент позволяет осуществить проекцию второго, а также всей КЕР целиком. Типичные составные КЕР – это предложения с союзными словами *когда–тогда* и *если–то* (*when–then* и *if–then*):

(6) [Lerner 1996: 241]

(6a) Dan 1 when the group reconvenes in two weeks=
Roger 2 → =they're gunna issue straight jackets

(6b) David 1 so if one person said he couldn't invest (.)
Kerry 2 → then I'd have to wait till

В обоих примерах, (6a) и (6b), первая часть реплики позволяет предсказать форму второй части. В обоих случаях вторая часть, обозначенная стрелкой, порождается как продолжение все той же КЕР (и, соответственно, без смены коммуникативных ролей). В примере (6a) между первой и второй частью нет паузы; небольшая пауза наблюдается в примере (6b). Наиболее очевидные случаи проекции такого типа мы находим в условных и целевых придаточных предложениях, как, например, в примерах (7)–(9):

(7) «Спорт-курьер» (16.08.2006; В. Балахничев и А. Родионов)

В. Б. 1 Ну обычно тренеры планируют меньше для того,
2 чтобы потом =
А. Р. 3 → = отчитаться было.
В. Б. 4 Это старая традиция.

В таких примерах, как (7), первый компонент не только позволяет осуществить проекцию второго, но и накладывает на него известные ограничения³. Наличие совместно построенных конструкций, пересекающих границы реплик, заставляет думать о совмест-

³ Заметим, что этот пример интересен также отсутствием *чем* во второй строчке, хотя носители языка по-разному реагируют на этот пример. Грамматически верная конструкция: *чтобы потом отчитаться было чем*.

ном порождении синтаксических структур: один говорящий начинает структуру, второй ее заканчивает. То же самое явление мы наблюдаем в следующем примере, где интервьюер заканчивает предикативную единицу, от которой его собеседник произнес только союз *лишь бы*:

(8) «Взрослым о взрослых» (09.06.2005; радиослушатель и М. Лабковский)

Р. 1 Нет, не напрягает, лишь бы, я думаю

М. Л. 2 → не было войны. Понятно, спасибо, Эльвира.

В примере (8) завершение используется для того, чтобы закончить реплику, взять нить беседы в свои руки и завершить ее. Использование *бы* в первой строчке сужает круг возможных продолжений и требует условного предложения. Вводное предложение *я думаю* прерывает предикативную единицу, но, несмотря на это, грамматические правила продолжают действовать и после смелых говорящих. В этом примере Лабковский использует для построения КЕР не только синтаксис, но и хорошо известное словосочетание⁴.

Пример (9) демонстрирует более развернутое завершение. В этом примере завершение не механизм, позволяющий говорящему завершить беседу, а способ дополнить сказанное собеседником и таким образом завершить КЕР:

(9) «Человек из телевизора» (02 сентября 2006; И. Петровская и К. Ларина)

И.П. 1 Ну, вот, дай Бог, чтобы программа

К.Л. 2 → вернулась

И.П. 3 не реконструировалась до такой степени,

К.Л. 4 → чтобы мы её не узнали,

И.П. 5 чтобы мы её больше не увидели.

Но не все примеры на завершение сходны с этим. В моем корпусе более часты совместно построенные конструкции, в которых первый компонент накладывает меньше ограничений на второй. Проекция остается возможной, но структура второго компонента не до такой степени обусловлена первым, как в примерах (7)–(9).

Дальнейшие примеры иллюстрируют некоторые простейшие завершения, возникающие в тех случаях, когда говорящий пытается подобрать подходящее слово. Так, в примере (10) второй собеседник (Бунтман) вставляет требуемый глагол. Первый участник диалога принимает это предложение и санкционирует его в третьей строчке:

(10) «Разворот» (31.08.2006; Сергей Бунтман, Тина Канделаки и Петр Лансков)

Т. К. 1 по получится, он просто все же:: э-э::

С. Б. 2 продал (.)

Т. К. 3 продал.

Первый участник беседы (Канделаки) сперва растягивает гласный в частице *же* в течение около двух десятых секунды, и затем следует пауза, которую Канделаки заполняет звуком э-э на протяжении восьми десятых секунды. В это время ее собеседник (Бунтман) вставляет во второй строчке диалога то слово, которое она искала (*продал*).

В примерах (11) и (12) первым компонентом является неполная финитная предикативная единица:

(11) «Особое мнение» (08.08.2006; Н. Болтянская и Е. Киселев)

Е. К. 1 Я тоже не уверен в том, что там масштабы жесткого применения

2 силы соответствовали масштабам террористической деятельности

⁴ Здесь имеется в виду известная частушка, основанная на советской песне.

- 3 чеченских сепаратистов. Но, тем не менее (.)
 Н. Б. 4 → достали.
 Е. К. 5 достали. И что касается благоприятных сценариев, понятно, что сейчас
 6 там есть согласованная резолюция Совета Безопасности ООН.

В примере (11) говорящий принимает в качестве завершения предложения слово *достали*, которое его собеседник предлагает в четвертой строчке диалога. Первый участник беседы повторяет это слово перед тем, как продолжить свою мысль. Повторение имеет своей целью принять предложенное завершение. Равным образом, в примере (12) мы видим предикат *шла* в высказывании первого из собеседников (вторая строчка), в то время как подлежащее *война* произносится вторым (третья строчка).

(12) «Банкротство ЮКОСа» (27.06.2006; В. Геращенко и А. Венедиктов)

- В. Г. 1 И Йосиф сказал – пожалуйста, вот план Маршалла Украине и
 2 Белоруссии, они страны, т. е. республики, где, в основном, шла
 А. В. 3 → война.
 В. Г. 4 война и агрессия. Поскольку, опять же, в ООН, кроме Англии,
 5 вступили Канада и Австралия, хотя они были доминионы и туда-сюда.

Первый из говорящих принимает это подлежащее и дополняет его до *война и агрессия* (четвертая строчка). Что следует из этого примера относительно проскции? Совершенно ясно, что грамматическая форма глагола предсказывает появление подлежащего в женском роде единственного числа. Можно с достаточными основаниями предположить, что первый собеседник (Геращенко) не мог планировать подлежащее *война* хотя бы потому, что он исправляет его на составное подлежащее *война и агрессия*. Также существенно, что глагол *шла* не используется со словом *агрессия*: требуется иной глагол, например, *происходила агрессия* или *имела место агрессия*. Так что совершенно ясно, что он не имел в виду это слово, когда говорил *шла*. Глагол в единственном числе мог бы быть использован в составе более идиоматического выражения, например, *В это время шла война и мировая революция*.

Таким образом, *где шла война* является более удачной КЕР, чем *где шла война и агрессия*. Мы видим два пути анализа этого примера: с одной стороны, можно было бы предположить, что это сочетание становится возможным благодаря значительному разрыву между глаголом во второй строчке и «новым» подлежащим в четвертой, но основная причина, по которой это выражение оказывается приемлемым, состоит в смене говорящих и предложенном подлежащем (*война*). В целом, как показывают недавние исследования, грамматическое согласование нарушается тем легче, чем больше линейное расстояние, отделяющее согласуемые элементы друг от друга. Однако при всем этом, в нашем случае расстояние между подлежащим и глаголом не столь велико, и подобное объяснение, вообще говоря, противоречит гипотезе, выдвигаемой относительно данного типа конструкций, а именно, принципу, согласно которому наличие совместно построенных конструкций является свидетельством взаимодействия в диалоге. Поэтому более вероятным кажется другое объяснение: третья строка является завершением КЕР, которая не была закончена во второй строке диалога, и тем самым конец третьей строчки знаменует собой точку перехода и законченную КЕР. В этом случае четвертая строчка представляет собой расширение этой завершенной КЕР. Хотя подобное расширение не кажется особенно изящным, все же данное объяснение представляется предпочтительным.

В примере (13) мы наблюдаем явно выраженное признание вклада собеседника; представляется, что первый из говорящих исправляет свою КЕР для того, чтобы включить в нее дополнение, сделанное его собеседником:

(13) «Лукавая цифра» (08.08.2006; А. Гроссман и Т. Самсонова)

- А. Г. 1 И в этих условиях уже нельзя локально рассматривать тот или иной
 2 конфликт. Он является частью, если хотите.

Т. С. 3 → мирового

А. Г. 4 → мирового конфликта

До этого момента все примеры на завершения демонстрировали, как говорящий, начав порождение КЕР, принимает предложенную ему совместно построенную конструкцию (хотя в ряде примеров предложенное завершение модифицируется, например, в примере (12)). Эти наблюдения подчеркивают роль взаимодействия в создании диалога, хотя далеко не всегда предлагаемые конструкции принимаются, как следует из примеров (14)–(16):

(14) «Особое мнение» (08.08.2006; Н. Болтянская и Е. Киселев)

Е. К. 1 Понимаете, на самом деле бардак у нас, я так понимаю, в стране

Н. Б. 2 → не временной

Е. К. 3 такой фактор, который присутствует в разных организациях и боюсь,

4 не хочу никого обидеть, но боюсь, что и в музейном деле тоже.

В данном случае предлагаемое завершение попросту игнорируется, и говорящий продолжает, как если бы второй собеседник (Болтянская) не произнес ни слова. Совместно сконструированная реплика не принимается, и говорящий не делает попытки использовать ее в начатой им КЕР. В других случаях мы видим, что говорящий подтверждает и принимает предлагаемую совместно построенную конструкцию, что влечет за собой ее переформулирование:

(15) «Лукавая цифра» (08.08.2006; М. Майерс и Т. Самсонова)

М. М. 1 Ну, нет, я объясню, почему для меня вопрос в количестве войн.

2 Это как количество вопросов,

3 которые наше современное общество не в состоянии решить

Т. С. 4 → мирным путем.

М. М. 5 дипломатическими средствами доступными.

6 И это кроме всего прочего, т.е. понятно [...]

В этом случае пятая строчка (*дипломатическими средствами доступными*) по сути представляет собой парафразу совместно построенной конструкции, предложенной в четвертой строчке (*мирным путем*), хотя в пятой строчке более определенно указывается, какие именно мирные способы решения проблемы невозможны (то есть, дипломатические).

Иногда для создания совместно построенной конструкции коммуникативные роли меняются несколько раз, например, в следующем диалоге (16):

(16) «Лукавая цифра» (08.08.2006; М. Майерс и Т. Самсонова)

Т. С. 1 И система, в которой есть одна или две военные мощные державы,
2 которые

М. М. 3 → противостояние которых является гарантом

Т. С. 4 гарантом стабильности. Вот как в холодной войне.

Второй компонент завершения иллюстрирует явление, которое Лернер называет *affiliating utterances* [Lerner 2004: 226]. Во второй части, которая не просто находится в непосредственной близости от начальной части, но также, что еще важнее, зависит от нее синтаксически, продолжается ход беседы. Синтаксическая структура КЕР не претерпевает изменений, несмотря на смену коммуникативных ролей, которая не получает формального способа выражения.

ВЫВОДЫ

В предложенных материалах представлены различные типы совместно построенных конструкций. Они могут быть разделены на дополнения и завершения. Дополнения, ко-

торых в нашем корпусе немного, в основном представляют собой предложную группу, добавленную к предшествующей КЕР. Это хорошо видно в примере (2) и про *настроение избирателей*: перед нами достаточно прямолинейное расширение, которое просто продолжает модель, использованную в предыдущем высказывании.

В следующем разделе статьи были рассмотрены завершения, для которых были выделены два типа: сперва мы обратились к составным завершениям, состоящим из двух частей. Первая часть включает в себя условное *бы* или *чтобы*, и эта часть делает возможной достаточно ясную проекцию синтаксической формы второй части. Этот тип завершений проиллюстрирован с помощью примеров (7)–(9). В каждом из этих примеров вводная часть содержит условную рамку, которая позволяет осуществить проекцию, вернее, требует соответствующей формы глагола (инфинитива или причастия на -л). Иными словами, вводная часть накладывает четкие морфосинтаксические ограничения на завершение. В этом случае первая часть предвосхищает вторую.

В остальных примерах наблюдаются завершения иного типа: совместно построенной оказывается одиночная, а не составная предикативная единица. Мы видели, что завершения в этом случае порождаются на разных уровнях синтаксической структуры: на границах между составляющими и внутри составляющих. Более того, вводная часть определяет структуру завершающего компонента далеко не столь четко, как в случае условных предложений.

Можно предположить, что структура совместных построений дает информацию об отношениях между планированием, порождением и восприятием. Прежде всего совместные построения указывают на существование некоего эталона, некоторой рамки или конструкции, задействованной в порождении дискурса. К этой рамке имеют доступ все участники дискурса, то есть с того момента, как она задействуется первым собеседником, она может быть расширена или завершена другим. На уровне словаря подобные лексические рамки или конструкции прослеживаются достаточно хорошо, например, конструкции, образованные вокруг понятия 'война' в нескольких примерах, как, например, *шла война* в (12) или *он является частью мирового конфликта* в (13).

Подобные «рамки» по-разному трактуются различными научными направлениями: генеративная грамматика использует правила структуры составляющих; некоторые варианты функциональной грамматики используют предикатные рамки; грамматика конструкций использует конструкции и так далее. Крайняя точка зрения представлена, например, в работе [Thompson, Couper-Kuhlen 2005], согласно которой совместные построения, разбираемые в нашей статье, говорят в пользу динамической природы грамматических правил, т.е. речь идет о концепции «эмергентизма»: «Grammar must be thought of as distributed and emergent, and that its units of analysis are *formats*... which can be thought of as crystallizations of common solutions to communicative problems and interactional tasks» [Thompson, Couper-Kuhlen 2005: 497]. Авторы утверждают, что единицы грамматического анализа (форматы) представляют собой не что иное, как правила взаимодействия, которые совместно вырабатываются собеседниками. Термин «*emergent grammar*» заимствован из статьи П. Хоппера [Hopper 1987], который предположил, что грамматика не является всеохватывающим набором абстрактных принципов и что грамматические формы не образуются по раз и навсегда установленным шаблонам, а являются результатом взаимодействия собеседников на основе их предыдущего опыта столкновения с подобными формами и их оценки данной ситуации. Конечно, и то, и другое у собеседников может не совпадать.

Думается, что использование совместно построенных конструкций говорит об обратном: порождение дискурсивных и синтаксических структур подчиняется строгим правилам, и результат в большой степени предсказуем. Хуже поддается прогнозам семантика точнее, пропозициональное содержание. Представляется возможным, что собеседники используют предсказуемость синтаксических моделей, для того чтобы изменить или повлиять на пропозициональное содержание и тему дискурса. Результаты этого анализа согласуются с гипотезой Левинсона, согласно которой говорящий не конструирует высказывание независимо от своих собеседников, но напротив, принимает во внимание и:

реакцию и сигналы, а затем в ходе беседы строит свою реплику соответственно этим сигналам. По мнению Левинсона, дискурсивные структуры порождаются говорящим в зависимости от речи собеседника [Levinson 2006]. Использование совместно построенных конструкций является важным доводом в пользу взаимодействия в создании диалога: не один, а несколько участников диалога определяют его течение. Существенно, что наличие этих конструкций предполагает, что общая синтаксическая рамка доступна для использования всеми собеседниками. Более того, в ходе порождения реплики говорящий может модифицировать синтаксические структуры или приспособлять их для того, чтобы использовать плоды сотрудничества с другими участниками диалога.

Исследования дискурса на материале разных языков показывают, что собеседники достаточно точно чувствуют приближение точки перехода: как говорящий, так и слушающий в состоянии осуществить проекцию конца реплики. До сих пор остается неясным, какая именно информация используется для проекции точки перехода. В качестве основного сигнала возможной точки перехода назывались все те факторы, которые были перечислены во втором разделе (интонация, пауза, а также семантическая и синтаксическая завершенность). Как показало исследование совместно построенных конструкций, синтаксические правила в большой степени определяют форму второй части такой конструкции и задают для нее синтаксическую «рамку», а прагматический эффект совместно построенной конструкции заключается в возможности добавить или скорректировать лексическую информацию и, соответственно, тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винокур 1959 – Г.О. Винокур. «Горь от ума» как памятник русской художественной речи // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Земская 1987 – Е.А. Земская. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
- Шведова 1960 – И.Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Auer 2005 – P. Auer. Projection in interaction and projection in grammar // Text. 25. 2005.
- Ford 2004 – C.E. Ford. Contingency and units in interaction // Discourse studies. VI. 1. 2004.
- Ford, Thompson 1996 – C.E. Ford, S.A. Thompson. Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns // E. Ochs, E. Schegloff, S. Thompson (eds.). Interaction and grammar. Cambridge, 1996.
- Hayashi 2003 – M. Hayashi. Joint utterance construction in Japanese conversation. Amsterdam, 2003.
- Hayashi, Mori 1998 – M. Hayashi, J. Mori. Co-construction in Japanese revisited: we do «finish each other's sentences» // N. Akatsuka, N. Hoji, S. Iwasaki, S. Strauss (eds.). Japanese / Korean linguistics. V. 7. Stanford, 1998.
- Helsavuo 2004 – M.-L. Helsavuo. Shared syntax: the grammar of co-constructions // Journal of pragmatics. 36. 2004.
- Hopper 1987 – P. Hopper. Emergent grammar // Proceedings of the 13-th Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. 13. 1987.
- Jefferson 1990 – G. Jefferson. List construction as a task and interactional resource // G. Psathas (ed.). Interaction competence. Washington, 1990.
- Lerner 1991 – G. Lerner. On the syntax of sentences-in-progress // Language in society. 20. 1991.
- Lerner 1996 – G. Lerner. On the 'semi-permeable' character of grammatical units in conversation: Conditional entry into the turn space of another speaker // E. Ochs, E. Schegloff, S. Thompson (eds.). Interaction and grammar. Cambridge, 1996.
- Lerner 2004 – G. Lerner. Collaborative turn sequences // G.H. Lerner (ed.). Conversation analysis. Studies from the first generation. Amsterdam, 2004.
- Lerner, Takagi 1999 – G. Lerner, Tomoyo Takagi. On the place of linguistic resources in the organization of talk-in-interaction: a co-investigation of English and Japanese grammatical particles // Journal of pragmatics. 31. 1999.
- Levinson 2006 – S. Levinson. Cognition at the heart of human interaction // Discourse studies. VIII. 1. 2006.
- Ono, Thompson 1995 – T. Ono, S.A. Thompson. What can conversation tell us about syntax? // Ph.W. Davis (ed.). Alternative linguistics: Descriptive and theoretical modes. Amsterdam, 1995.

- Ono, Yoshida 1996 – *T. Ono, E. Yoshida*. A study of co-construction in Japanese: we don't «finish each other's sentences» // N. Akatsuka, S. Iwasaki, S. Struass (eds.). Japanese / Korean linguistics. V. 5. Stanford, 1996.
- Ruiter, Mitterer, Enfield 2006 – *J.P. de Ruiter, H. Mitterer, N.J. Enfield*. Projecting the end of a speaker's turn: A cognitive cornerstone of conversation // *Language*. 82. 3. 2006.
- Sacks 1992 – *H. Sacks*. Lectures on conversation / G. Jefferson (ed.). Oxford, 1992.
- Sacks et al. 1974 – *H. Sacks, E.A. Schegloff, G. Jefferson*. A symplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 50. 4. 1974.
- Selting 2000 – *M. Selting*. The construction of units in conversational talk // *Language in society*. 29. 2000.
- Schegloff 1996 – *E.A. Schegloff*. Issues of relevance for discourse analysis: Contingency in action, interaction and co-participation context // E. Hovy, D. Scott (eds.). Discourse processing: An interdisciplinary perspective. Heidelberg, 1996.
- Thompson, Couper-Kuhlen 2005 – *S.A. Thompson, E. Couper-Kuhlen*. The clause as a locus of grammar and interaction // *Discourse studies*. 7. 2005.
- Van Valin 2005 – *R. Van Valin*. Exploring the syntax-semantics interface. Cambridge, 2005.
- Walker 2004 – *G. Walker*. On some interactional and phonetic properties of increments to turns in talk-in-interaction // E. Couper-Kuhlen, C.E. Ford (eds.). Sound patterns in interaction. Amsterdam, 2004.